

Глава 1

- *Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?*
- *Черные черепа? Они... они страшные.*
- *Может быть. Это особый знак. Его использовали...*
- *Давно? Еще до войны?*

На мгновение я даже почувствовал что-то вроде удивления. Последние месяца полтора-два странные сны, после которых голова раскалывалась, а мысли неслись кувырком, сваливаясь в какую-то бесформенную и непонятную кучу, меня не посещали. Я бы даже решил, что они исчезли, прошли навсегда, — если бы вообще о них думал.

У меня определенно имелись дела поважнее. И раньше, и тем более теперь, когда я стал если не фактическим главой рода, то «исполняющим обязанности» уж точно. Жизнь была ключом, порой гаечным и иногда даже по голове, и мне было не до тонких материй, вроде ковыряния то ли в собственной памяти, то ли в подсознании, то ли в чужом прошлом. Сны ушли.

И вот снова решили напомнить о себе. И не просто, а куда сильнее обычного.

Я коснулся кончиками пальцев нашивки на жилете. Ткань поистрепалась и выцвела от солнца, рисунок из угольно-черного превратился в блеклый, почти серый — но грозных очертаний не утратил. Оскаленный череп на темно-красном фоне все так же пялился в никуда пусты-

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

ми глазницами, отгоняя навсегда поселившееся в этом мире зло... или давая понять, что здесь его и так достаточно.

— До войны... — задумчиво повторил я, оборачиваясь.

Обычно все обрывалось на этом месте. Я видел опустевший диван без подлокотников с отпечатком женского тела, развалины, осколки стекла на пыльном полу, желтое небо. Слышал гулкие металлические шаги по лестнице...

И просыпался с пульсирующей от боли головой.

Но сегодня сон продолжался. Моя спутница никуда не делась, а осталась там, где ей и положено было остаться. Женщина — а точнее, совсем молоденькая девушка — сидела ко мне вполоборота, но я все равно мог увидеть ее лицо. Точеный профиль, бледная, почти белая кожа — будто девчонка всю свою жизнь провела не в этой выжженной пустоши, а где-нибудь в подземном бункере... или там, где еще остались живые деревья.

Крохотный чуть вздернутый носик, светлые волосы — длинные, чистые и настолько мягкие с виду, что мне на мгновение захотелось к ним прикоснуться. Красивая. И совершенно неуместная здесь, в этом обугленном остове дома рядом со мной... Да и вообще в этом мире.

Зря я полез ее спасать. Такие все равно не выживают.

Удивительно, как она вообще смогла дотянуть до своих... шестнадцати? Пятнадцати? И где пряталась все эти годы?

— Череп означает смерть, — проговорил я. — Это ее знак. И если она придет, то подумает, что уже была здесь.

— И уйдет, да?.. Ты правда в это веришь?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Сегодня явно не мой день.

— Сильно ранили? — Девчонка повернулась ко мне. — Тебе больно?

ГОРЧАКОВ. ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК

Глаза. Синие, как небо. Не нынешнее, а каким оно было раньше, до войны.

И такие же далекие, недостижимые. Нездешние.

— Бывало и хуже.

Я коснулся жилета снизу — там, где посеревшая от времени древняя джинса насквозь пропиталась алым. Точнее, бурым: кровь уже успела подсохнуть.

— Идти сможешь?

— Смогу. — Я на мгновение замер, прислушиваясь. — Проблема в том, что идти нам некуда.

Когда я открыл глаза, в ушах еще звучали шаги, громыхавшие с лестницы. Тяжелые, медленные, отдающиеся в развалинах звоном металла.

Люди так не ходят.

— Да твою ж... — простонал я, перекатываясь на бок.

Все в порядке. Я дома. В Елизаветино, в своей комнате, знакомой с детства, а вовсе не в неведомом мертвом городе, когда-то выжженном чем-то страшнее самого смертоносного боевого заклятья первого магического класса. Над головой — обычный потолок, а не чужое грязно-желтое небо. Будильник на тумбочке у кровати показывает шесть часов сорок семь минут.

Значит, уже пора вставать. Жизнь в училище давно приучила меня к ранним подъемам, но и редкие дни в родовом гнезде тоже мало напоминали отдых. Чтобы успеть хотя бы половину неотложных дел, которые планировал заранее, порой приходилось просыпаться даже раньше, чем прислуга.

И, иной раз даже не вылезая из-под одеяла, браться за документы. Не то чтобы дед совсем забросил финансовые дела семьи или новый поверенный, которого наняли по рекомендации родни со стороны матери, давал повод усомниться в своих умениях, — после Миши я не доверял уже никому. Даже самому себе, взяв за правило

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

просматривать все важные бумаги дважды: перед сном и утром, на свежую голову.

Единственное время суток, когда я был хотя бы отчасти предоставлен сам себе. Даже если выпадал свободный от муштры в училище денек, сразу же после завтрака начинались разъезды, встречи, визиты — и уже не прекращались до самого позднего вечера, а то и ночи. Поначалу мы занимались всеми этими странными хлопотами вместе с дедом, но в последние недели полторы старик разленился и уже не стеснялся отправлять меня с Андреем Георгиевичем, а то и вовсе одного.

Видимо, я держался не так уж плохо. Пожимал руки — или манерно целовал, если приходилось общаться с дамами. Улыбался, стараясь быть учтивым, справлялся о здоровье дедушек, бабушек и тетушек, о детях... И только потом — о делах насущных, ради которых, собственно, и приезжал.

Всю эту необъятную толпу непременно следовало запоминать не только по имени, отчеству и титулу, но и по степени родства с Горчаковыми. Двоюродные тетушки, чьи-то внучатые племянники, братья дочери старшей сестры матери... И их была едва ли половина. Примерно столько же у нашей семьи оказалось вассалов, связанных древними клятвами, союзников, старых друзей, которых тоже в обязательном порядке полагалось почтить визитом, должников — а иногда и тех, кому в свое время изрядно задолжал дед.

И речь, разумеется, шла не о тех долгах, с которыми можно было бы расплатиться имперскими рублями.

В общем, жизнь наследника рода — пусть даже дед еще ни разу меня не называл таковым публично — оказалась совсем не малиной. Настолько, что я даже радовался возвращению на свою койку в дортуаре училища. Но радость всякий раз оказывалась недолгой: после не-

ГОРЧАКОВ. ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК

скольких часов мертвецки крепкого сна меня ждало пробуждение, умывание и построение на утренний смотр, после которого начиналась муштра.

Воля деда порой избавляла меня от классов и необходимости находиться в училище денно и нощно, но ничего не могла поделать с экзаменами, нормативами, нарядами, цуком и прочими прелестями жизни юнкера первого курса. За каждую отлучку Мама-и-Папа щедро вознаграждал меня поручениями — и второй «родственник» от него почти не отставал. Иван твердо задался целью сделать из меня отчетливого юнкера и шел к ней, не считаясь с потерями.

Я не возражал: даже ночные бдения, подъемы по команде и синяки от приклада трехлинейки были не столь мучительны, как часы, проведенные в гостинной очередной титулованной бабуси. Каждая великовозрастная княгиня или графиня, похоже, считала своим долгом сосватать мне внучку или, за неимением таковой, хотя бы племянницу.

Приходилось юлить. Юные девы все как на подбор оказывались теми еще красотками и наверняка могли похвастаться не только происхождением, но и манерами, неплохим потенциалом Дара, образованием — а то и капиталами. Но на них совершенно не было времени! Не то чтобы жизнь всерьез пыталась превратить меня в монаха, но единственной женщиной, с которой порой приходилось чуть ли не спать в обнимку, стала винтовка с чужим плетением на цевье.

Редкие часы, когда я мог хотя бы побыть наедине, выпадали или перед сном, или на рассвете — но и их приходилось тратить на документы или чтение книг. В последнее время мое социальное положение росло заметно быстрее знаний, и пробелы в образовании из внушительных грозили превратиться в катастрофические.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Но не сегодня. К черту. Когда голова похожа на чугунный горшок, паяться в цифры отчетов все равно без толку.

Умывшись, я накинул рубашку и спустился вниз, в гостиную. Занял любимое дедовское кресло и взял со столика свежую газету. Судя по тревожным заголовкам, в стране действительно творилось что-то из ряда вон выходящее. Забастовки, убийства в крупных городах, крах высших чинов — а теперь еще и беспорядки в полках в губерниях за Уралом.

Да уж. Опальный генерал Куракин удрал из столицы, но, похоже, продолжал действовать там, куда не дотягивались даже длинные руки Третьего отделения. Зная Багратиона, можно было сказать наверняка, что он поднял всех — и своих людей, и полицию... а может, даже военных.

Одному Богу известно, скольких жизней стоил покой хотя бы в столице.

— Доброго утра, ваше сиятельство. Сегодня вы рано...

На столик опустилась дымящаяся чашка на блюдце. Утренний кофе мне теперь приносила Арина Степановна лично — честь, которой раньше удостаивались только дед, отец и Костя. И, сколько я ни пытался ворчать, ругаться — а то и вовсе приказывать, — хранительница усадьбы больше не называла меня по имени, Сашей. Только на «вы» и уже набившее оскомину «сиятельство». Как говорят французы — *noblesse oblige*, положение обязывает.

И, видимо, обязывает не только меня.

Но привыкнуть я все равно никак не мог. Дежурная учтивость и этикет... нет, не то чтобы сделали Арину Степановну чужой или выстроили какую-то стену, однако я все равно чувствовал, что приподнялся над просты-

ГОРЧАКОВ. ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК

ми смертными еще на ступеньку или две — и впереди таких ступенек еще немало.

И рано или поздно я заберусь так высоко, что вполне могу перестать замечать тех, кто остался внизу.

— Не спалось, — вздохнул я, протягивая руку за кофе. — Пожалуй, сегодня просто почитаю газету... до завтрака.

— Ничего там интересного, Александр Петрович, уж поверьте. Опять про вашу светлость гадости пишут.

Это где? Про меня, да еще и в самом важном столичном издании?

А, нет, показалось. Заметил на столике еще одну газету: потоньше, с бумагой далеко не лучшего качества — да и в целом не самую... выдающуюся. Уж не знаю, кому взбрело в голову принести сюда свежий выпуск «Вечернего Петербурга» — ни я, ни Андрей Георгиевич, ни уже тем более дед такое не читали.

И все-таки принесли. Уж не для того ли, чтобы газетенка попалась мне на глаза?

— «Александр Горчаков-младший, — прочитал я вполголоса. — Палач все еще на свободе».

Даже так?.. Сильно.

Несмотря на звучный заголовок, статья (здоровенная, на весь первый разворот) не рвала с места в карьер, а набирала обороты постепенно. Для начала автор припомнил мои прегрешения полугодичной давности: гонку по Невскому и драку в больнице. Даже вскользь упомянул о дуэли с Воронцовым — не называя имен и мест, без конкретики, намекнув на «последствия, которые вполне могли стать трагическими».

Потом прошелся по тому дню, когда погиб Костя, а я еле удрал от таинственных штурмовиков в черном, попутно уложив где-то с десяток. И если в прошлой статье все это преподносилось чуть ли не как геройство, то те-

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

перь и о заговоре, и о реальных виновниках всего, и даже о деде, который собрал целую маленькую армию, будто забыли. А мои поступки выглядели банальной вендеттой слетевшего с катушек малолетнего аристократа.

Бред сивой кобылы. Вот только и в него наверняка кто-то поверит.

После короткого, но сочного описания стрельбы в центре столицы автор ненавязчиво перешел к моему моральному облику. На мгновение даже меня самого чуть не убедили, что я являюсь избалованным недорослем, этаким прыщом на лице дворянского сословия, вся жизнь которого посвящена увеселениям, разврату и прочим удовольствиям.

Статья чуть ли не открытым текстом заявляла: Горчаков-младший снова взялся за старое и гоняет по городу на автомобиле сомнительной конструкции. Целыми днями не появляется в военном училище, наплевав на устав. Регулярно посещает светские мероприятия и ко всему прочему еще и меняет женщин как перчатки.

И если трогать Гижицкую разумно не стали, то Настасье досталось по полной. Вдоволь поиронизировав над ее конструкторскими талантами, автор перешел к тем «талантам», которые очаровали избалованного и недалекого князя Горчакова. Далее в ход пустили щедро навешанные ярлыки вроде «безвкусица», «вульгарность», «дурные манеры»...

От всего этого буквально веяло не просто желанием уколоть, пройдясь по громким и злободневным темам, но и обидой. Жгучей, настоящей и какой-то... личной. Так что я совсем не удивился, прочитав в конце статьи имя автора: Вернер Е. С.

Не зря говорят: нет ничего страшнее оскорбленной женщины.

ГОРЧАКОВ. ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК

Мы не виделись с Леной... Сколько же? Две недели? Три? Месяц — или еще больше? Да и до этого наши встречи неизменно получались тайными, недолгими и всякий раз заканчивались в ее крохотной квартирке под крышей. А иногда — там и начинались. Я не спешил выходить с ней в свет, да и она как будто куда больше интересовалась работой, чем личной жизнью. Не задавала лишних вопросов, не требовала...

Но, видимо, все-таки хотела. И, не получив, решила отомстить. Холодно и беспощадно, пустив в ход весь свой небогатый, в общем-то, арсенал журналиста. Не то чтобы статья в желтой газетенке могла всерьез повлиять на мою репутацию — слишком хорошо меня теперь знали все, чье мнение в обществе по-настоящему чего-то стоило.

И все же.

Вишенкой на торте стала смерть Штерна. Разумеется, госпожа Вернер ни в чем меня не обвиняла. Лишь констатировала факт: после встречи со мной крупного промышленника с безупречной репутацией хоронили почти без свидетелей, ночью и в закрытом гробу.

Завершалась статья общими словами о вседозволенности аристократов, здоровенным булыжником в огород полиции, Третьего отделения и Багратиона лично, сопровождающимися риторическими вопросами в духе «Доколе?!».

Самое обидное — Лена, в общем, нигде по-крупному не соврала. Формально на всем объемистом развороте с моей фотографией под ручку с Настасьей не было вообще ни капли лжи. Зато правда выглядела, мягко говоря, так себе. Отдельных фактов, вырванных из общей массы, оказалось вполне достаточно, чтобы превратить меня чуть ли не в кровопийцу.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Наверное, я должен был злиться — но почему-то не злился. Статья отложила что-то в уме и памяти. Словно поставила зарубки: взять на карандаш, обдумать и разобраться... потом — когда не будет по-настоящему важных дел. Я не чувствовал вообще ничего. Ни по поводу полоскавшего меня чертова листка, ни в адрес редакции.

Ни к самой Лене.

Как бы я ни пытался сосредоточиться на чем-то настоящем, мои мысли сами собой возвращались к девчонке из сна. Причем интерес она вызывала скорее... в общем, не тот, который в подобных случаях приходит на ум первым. Слишком худенькая и изящная, слишком бледная, будто выцветшая добела. И слишком молодая — даже для моих неполных семнадцати.

А тому, кем я был во сне, она и вовсе казалась почти ребенком. Неразумным, слабым и беззащитным. Поэтому я и полез в почти безнадежную схватку: с одной странной винтовкой против...

Голова снова запульсировала болью — но несильно, будто предупреждая. Чья-то неведомая воля ненавязчиво намекала: не лезь. Дальше нельзя. Пока — нельзя.

Ладно, понял. Идите к черту.

Потерев виски, я откатился чуть назад — к белобрысой девчонке. Думать о ней, похоже, не возбранялось. И чем больше я прокручивал в памяти сегодняшний сон, тем больше убеждался: где-то я ее уже видел. В том, выжженном дотла мире, а может, и в этом тоже.

Чуть другой — может, повзрослевшей, изменившейся, но с такими же синими глазами, которые...

Из размышлений меня вырвал негромкий шум, доносившийся со стороны не до конца закрытой двери: похоже, воинство Арины Степановны уже суетилось, накрывая на стол к завтраку.

ГОРЧАКОВ. ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК

Сколько же я просидел? Сначала с газетой в руках, а теперь вот с этими странными то ли воспоминаниями, то ли просто фантазиями... Кофе уже успел остыть.

Вздохнув, я швырнул скатанный в трубку «Вечерний Петербург» на столик и, потянувшись, поднялся. Времени думать о снах не осталось. Пора завтракать, приводить себя в порядок и выдвигаться в город.

По странной иронии сегодня меня ждет именно то, о чем писала Лена: светские увеселения, автомобили — и, разумеется, женщина.